

Харийс Туманс

ПСЕВДО-КСЕНОФОНТ – «СТАРЫЙ ОЛИГАРХ» ИЛИ ДЕМОКРАТ?

Как известно, одна из труднейших задач, с которой приходится сталкиваться историку, состоит в интерпретации текста исторического источника. К тому же эта задача осложняется еще и наличием различных подходов к интерпретации, причем эти подходы могут носить как методологический характер, так и идеологический. Поэтому историку всякий раз приходится самоопределяться и делать свой выбор, примыкая к той или иной историографической традиции. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что наука выигрывает только в том случае, когда выбор историка определяется методологическими и научными соображениями, а не идеологическими постулатами или пристрастиями. История изучения и комментирования трактата «Афинская полития» анонимного автора, известного в науке под именем Псевдо-Ксенофонта, может служить прекрасной иллюстрацией к сказанному. В огромной литературе по этому вопросу отразились все известные подходы и интерпретации, хотя «воз», как говорится, «и ныне там». В результате данная тема представляет широкие возможности для поисков новых решений и подходов. Не претендуя на окончательное решение вопроса, которое в принципе вряд ли возможно, мне хотелось бы сделать несколько собственных наблюдений.

По старой традиции, возникшей еще в XIX в., Псевдо-Ксенофонта принято считать олигархическим критиком афинской демократии¹. Тогда же за ним закрепилось и прозвище «Старый Олигарх»². По всей видимости, «старым» он стал потому, что некоторым авторам буквально в каждой строке его трактата слышится старческое «брюзжание и раздражение»³. Этот стереотип на-

¹ Назову лишь основные вехи в истории вопроса: *Kirchhoff A.* Über die Schrift vom Staate der Athener // *Philologische und historische Abhandlungen d. Königl. Akad. d. Wiss. zu Berlin*. 1874. S. 1–51; *Gutschmid A.v.* Zur Pseudo-Xenophon de re publica Atheniensium // *RhM*. 1876. 31. S. 632–635; *Kalinka E.* Prolegomena zur pseudoxenophontischen ATHENAION POLITEIA // *WS*. 1896. 18. S. 27–83; *idem.* Die Pseudo-Xenophontische ATHENAION POLITEIA: Einleitung, Übersetzung, Erklärung. Lpz, 1913; *Stail G.* Über die pseudoxenophontische Athenaiion Politeia. Paderborn, 1920; *Müncher K.* Kritische Nachlese zur Pseudo-Xenophontische ATHENAION POLITEIA // *RhM*. 1932. 81. S. 209–220; *Prestel G.* Die antidemokratische Strömung im Athen des 5. Jahrhunderts bis zum Tod des Perikles. Breslau, 1937; *Gomme A.W.* The Old Oligarch // *HSPH*. 1940. Suppl. 1. P. 211–245; *Nestle W.* Zum Rätsel der ATHENAION POLITEIA. Ein Versuch // *Hermes*. 1943. 78. S. 232–244; *Fuks A.* The Old Oligarch // *Scripta Hierosolymitana*. 1954. 1. P. 21–35; *Romilly J. de.* Le Pseudo-Xénophon et Thucydide. Étude sur quelques divergences de vues // *RPh*. 1962. 36. P. 225–241; *Bowersock G.W.* Pseudo-Xenophon // *HSCP*. 1966. 71. P. 33–46; *Leduc C.* La constitution d'Athènes attribuée à Xénophon. P., 1976; *Roberts J.T.* Athens on Trial. The Antidemocratic Tradition in Western Thought. Princeton, 1994; *Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens. Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1999.

² Предположительно – это прозвище закрепилось за Псевдо-Ксенофонтом в работе: *Murray G.* A History of Greek Literature. L., 1897. P. 167–169.

³ См. *Никитюк Е.В.* Политические сообщества (гетерии) в классической Греции // *Альтернативные социальные сообщества в античном мире*. СПб., 2002. С. 102.

столько прочно вошел в научный обиход, что иной взгляд на вещи зачастую кажется просто крамольным. Однако ближайшее ознакомление с историографией показывает, что картина отнюдь не столь проста и однозначна, как это может показаться на первый взгляд. Даже в рамках общепринятой концепции существуют различные оценки идеологической позиции Псевдо-Ксенофонта: одни историки считают его воинственным олигархом⁴, другие же, более осторожные, указывают на его симпатии к некоторым сторонам демократического правления в Афинах⁵. Само собой разумеется, что среди исследователей нет единства и по поводу датировки трактата, колеблющейся, как правило, от последней четверти V до первой декады IV в. до н.э.⁶ Помимо того, разногласия возникают даже по такому поводу: считать ли автора трактата старым или молодым олигархом, поскольку не все слышат в его тексте старческое «брюзжание и раздражение»⁷. Наконец, в последние десятилетия стала вырисовываться новая тенденция, наметившая отход от старых схем. Так, например, В. Форрест отверг традиционное мнение о трактате Псевдо-Ксенофонта как политическом памфлете, посмотрев на него сквозь призму конфликта поколений в демократических Афинах конца V в. до н.э., и увидел в нем ученическую работу (a lecture for the class-room or the study-group), в которой два молодых человека отстаивают противоположные точки зрения по поводу афинской демократии⁸. В свою очередь, Й. Накатегавы констатировал отступление «Старого Олигарха» от постулатов олигархической идеологии, а также выявил его прагматический подход к вопросу, а также симпатии к демократии⁹. Наконец, С. Хорнбловер сделал самый радикальный прорыв – он принял уже ранее высказанную точку зрения о том, что данный текст принадлежит к жанру симпозиумной литературы, и предположил, что его автор являлся сторонником демократии, примерившим маску олигарха в рамках симпозиумной игры-беседы¹⁰.

Таким образом, сочинение так называемого «Старого Олигарха» на протяжении длительного времени неизменно привлекает внимание специалистов, предлагающих различные, зачастую прямо противоположные, трактовки его содержания. Для объяснения столь устойчивого и неослабевающего интереса к Псевдо-Ксенофонту и его произведению можно указать на несколько факторов. Во-первых, это анонимность текста, создающая постоянное искушение приписать данное сочинение тому или иному писателю или политику¹¹. Во-вторых, автор не формулирует явным образом свою конечную и истинную позицию по отношению к рассматриваемому им вопросу и не определяет цель написания текста, что побуждает ученых к самостоятельным поискам ответов

⁴ Например: Müller-Strübing H. Athenaiion politeia. Die attische Schrift vom Staat der Athener // Philologus. 1884. Suppl. 4. S. 1–188; Kupferschmid M. Zur Erklärung der pseudoxenophontischen ATHENAION POLITEIA. Hamburg, 1932. S. 52 f., 54 f.; Fuks. Op. cit. P. 28 ff.

⁵ См., например: Stail. Op. cit. S. 27 f.; Nestle. Op. cit. S. 236; Frisch H. The Constitution of the Athenians. N.Y., 1976. P. 103; см. также Sealey R. The Origins of Demokratia // CSCA. 1973. 6. P. 253–263.

⁶ Kirchhoff A. Über Abfassungszeit der Schrift vom Staate der Athener // Philologische und historische Abhandlungen d. Königl. Akad. d. Wiss. zu Berlin. 1878. S. 1–25; Hohl E. Zeit und Zweck der pseudoxenophontischen ATHENAION POLITEIA // CPh. 1950. 45. S. 26–35; Forrest W.G. The Date of the Pseudo-Xenophontic Athenaiion Politeia // Klio. 1970. 52. P. 107–116.

⁷ См. Leduc. Op. cit. P. 171 suiv.; Нукитюк. Ук. соч. С. 102.

⁸ Forrest W.G. An Athenian Generation Gap // YCS. 1975. 24. P. 43 f.

⁹ Nakategawa Y. Athenian Democracy and the Concept of Justice in Pseudo-Xenophon's Athenaiion Politeia // Hermes. 1995. 123. P. 39 f., 45 f.

¹⁰ Hornblower S. The Old Oligarch (Pseudo-Xenophon's Athenaiion Politeia) and Thucydides. A Fourth-Century Date for the Old Oligarch? // Polis and Politics. Studies in Ancient Greek History / Ed. P. Flensted-Jensen, T. Neine Nielsen, L. Rubinstein. Copenhagen, 2000. P. 364, 378.

¹¹ См. Kalinka. Die Pseudo-Xenophontische ATHENAION POLITEIA... S. 17–21; Nestle. Op. cit. S. 232 ff.; Frisch. Op. cit. P. 88–105; Leduc. Op. cit. P. 45–55; Forrest. An Athenian Generation Gap. P. 38 f.

на эти вопросы, опираясь при этом исключительно на интерпретацию тех или иных фраз. Понятно, что на таких ненадежных основаниях можно построить что угодно и результаты этого строительства никогда не смогут убедить всех остальных. В-третьих, изучаемый текст сам по себе в высшей степени противоречив, что запутывает исследователей и делает позицию автора неясной, скорее угадываемой, чем определяемой. Отсюда и происходит столь поразительный разбой мнений, делающих Псевдо-Ксенофонта то олигархом, то демократом.

Очевидно, что в данной ситуации, прежде чем браться за очередное разыскание идеологической платформы Псевдо-Ксенофонта, следует сформулировать методологические основания такого исследования. В этой связи представляется, что если не нахождение ответа, то хотя бы приближение к нему возможно достичь путем анализа трех составляющих проблемы. Иными словами, я вижу три пути, двигаясь по которым можно надеяться достичь некоторых результатов. Первый путь – это установление авторства трактата, что позволило бы интерпретировать текст исходя из идеологических постулатов его автора. Второй путь состоит в анализе самого текста и третий – в определении культурного и идеологического контекста, позволяющего сформулировать жанр и идеологическую тенденцию произведения. Все названные пути уже основательно проторены многими поколениями ученых, каждый из которых предпочел идти «своим путем». Сейчас нам остается только пройти по порядку этими тремя путями и попытаться свести их в одну колею.

1

Относительно первого направления исследования сразу приходится признать, что наши возможности в определении авторства «Афинской политики» в высшей степени ограничены, если не сказать равны нулю. Мы не располагаем такими данными, которые позволяли бы нам с достаточной степенью достоверности «вычислить» автора интересующего нас текста. В пользу авторства Ксенофонта можно привести всего три крайне слабых аргумента: 1) факт нахождения текста в сборнике сочинений Ксенофонта; 2) аттический диалект, на котором написано данное произведение и на котором писал Ксенофонт; 3) отдельные текстовые параллели между «Афинской политией» и некоторыми местами у Ксенофонта¹². Первые два факта вообще не могут быть признаны аргументами, а что касается параллелей, то их гораздо больше можно найти в текстах других авторов, особенно же Фукидида¹³. Против авторства Ксе-

¹² Например, в «Афинской политике» демократия представляется как власть низших социальных слоев (I. 2–8; см. комментарии об этом: *Nakategawa*. Op. cit. P. 34; *Ober*. Op. cit. P. 17, 22); похожим образом и Сократ у Ксенофонта определял правящий в Афинах демос как бедноту (*Xen. Mem. IV. 2. 37*). Однако это было скорее всего, общим местом, ведь и Аристотель характеризовал демократию как власть «свободных и неимущих» (*Pol. 1290 b 18–20*). Затем «Старый Олигарх» ставит в вину афинской демократии «распущенность метеков и рабов» (I. 10) и в таком же духе высказывается Ферамен у Ксенофонта (*Hell. 2. 3. 48*). Но очевидно, что и здесь мы имеем дело с общим местом, ведь подобным образом могли рассуждать тогда очень многие афиняне.

¹³ См. *Weber-Schäfer P. Einführung in die antike politische Theorie*. Darmstadt, 1976. S. 163–166; *Raaflaub K. Politisches Denken und Krise der Polis. Athen und Verfassungskonflikt des späten 5. Jahrhunderts v. Chr. // HZ. 1992. 255. S. 12, 21, 42; Nakategawa*. Op. cit. P. 44. Показательно, что если обычно параллели между Псевдо-Ксенофонтом и Фукидидом объясняются тем, что Фукидид читал написанный ранее текст «Старого Олигарха», то Хорнбловер довольно убедительно доказывает обратное и утверждает, что «Афинская политика» была написана после «Истории» Фукидида и что в ней содержится целый комплекс рефлексий по этому поводу; на этом основании он переносит датировку «Афинской политики» в первое десятилетие IV в. до н.э. (*Hornblower*. Op. cit. P. 366 ff., 370–373).

нофонта говорит прежде всего литературный стиль, отличающийся изрядным количеством погрешностей¹⁴. Тем не менее, с начала изучения текста «Афинской Политии» у исследователей возникла устойчивая ассоциация, что автором трактата был Ксенофонт. Похоже, что именно этот факт оказал решающее воздействие на формирование стереотипа о «Старом Олигархе». Аристократические убеждения Ксенофонта хорошо известны по его произведениям, и, видимо, поэтому вниманием исследователей полностью завладели критические (хотя и относительно редкие!) высказывания в адрес афинской демократии, в то время как апологетические пассажи остались как будто незамеченными или не оцененными по достоинству. Только постепенно, по мере того как развеивался гипнотический эффект от имени Ксенофонта, стала убывать и уверенность исследователей в олигархическом характере сочинения¹⁵. Поэтому и автора стали искать в других местах, в основном среди софистов¹⁶, но и эти гипотезы выглядят не более убедительно. Таким образом, нам остается только признать факт принципиальной анонимности исследуемого текста. Нельзя не согласиться с Дж. Обером в том, что по отношению к анонимному тексту биографический подход очевидно абсурден¹⁷.

2

В данной ситуации анализ самого текста приобретает первостепенное значение, однако и здесь результаты разочаровывают. Текст оказывается настолько сложным и противоречивым, что служит основанием для прямо противоположных концепций. При всем этом в научной литературе иногда отмечают еще иронию автора¹⁸, что только усугубляет положение вещей, ведь ирония сама нуждается в объяснении и, к тому же, она не очевидна, и чтобы ее увидеть, нужно занимать определенную позицию. Основная же проблема состоит в том, что в тексте Псевдо-Ксенофонта соседствуют как критические, так и панегирические высказывания в адрес афинской демократии. Именно необходимость объяснения этого феномена побуждает исследователей изобретать различные версии, например, постулировать наличие у автора двойной системы ценностей¹⁹, принимать текст за симпозиумную игру с агоническими парадоксами²⁰ или за риторическое упражнение²¹. Таким образом, признание амбивалентного характера рассуждений в «Афинской политии» является пока единственным реальным достижением научной критики. Однако это достижение таково, что оно не дает возможности выявить собственную концепцию автора. Содержательный анализ текста сам по себе может быть плодотворным

¹⁴ О погрешностях стиля Псевдо-Ксенофонта писалось неоднократно – см., например: *Frisch*. Op. cit. P. 164–184; *Gomme*. Op. cit. P. 58–61; *Ober*. Op. cit. P. 26. На этом основании Ледюк решил, что «Старого Олигарха» правильнее было бы считать «Молодым Олигархом» ввиду его неопытности в литературном творчестве (Op. cit. P. 171–175); а Форрест из похожих соображений предложил считать «Афинскую политию» не трактатом, а ученической работой молодых людей (*An Athenian Generation...* P. 44 f.).

¹⁵ Эту тенденцию хорошо можно проследить выше (см. прим. 2, 5–6).

¹⁶ Об идейных параллелях между автором «Афинской политии» и софистами см. *Forrest*. *An Athenian Generation...* P. 42–45; *Nakategawa*. Op. cit. P. 43 f. Некоторые исследователи были склонны видеть в «Старом Олигархе» софиста Крития (например: *Müller-Strübing*. Op. cit. S. 90; *Norwood G.* *The Earliest Prose Work of Athens // CJ.* 1929/30. 25. P. 380 ff.).

¹⁷ *Ober*. Op. cit. P. 27.

¹⁸ *Nakategawa*. Op. cit. P. 36; *Ober*. Op. cit. P. 26 f.

¹⁹ *Nakategawa*. Op. cit. P. 39.

²⁰ *Hornblower*. Op. cit. P. 366, 376 f.

²¹ *Forrest*. *An Athenian Generation...* P. 43 f.

только в том случае, если известно, что хотел сказать автор, но как раз об этом идет главный спор. Здесь круг замыкается...

Фактически все зависит от того, как проинтерпретировать основополагающий пассаж Псевдо-Ксенофонта. Описав демократическое правление как власть социальных низов, он делает следующее заявление: «Конечно, не такие порядки нужны для того, чтобы государство могло сделаться наилучшим, но зато демократия скорее всего может сохраниться при таких условиях. Народ ведь желает вовсе не прекрасных законов в государстве, когда ему самому приходится быть в рабстве, но хочет управлять, а до плохих законов ему мало дела» (I. 8). Как к этому относится автор – хорошо или плохо? Вот в чем вопрос! Дж. Обер справедливо заключает, что в этом месте автор противопоставляет интересы полиса и интересы демократии, а также определяет демократию как власть одной социальной группы (демоса) в собственных интересах²². В свою очередь, Й. Накатегава, рассмотрев данный пассаж Псевдо-Ксенофонта в контексте всей второй главы, где подробно описываются выгоды, получаемые народом от демократии и морского владычества, приходит к выводу, что данный текст провозглашает новый идеал справедливости, основанной на власти силы и соображениях выгоды²³. Логика этого идеала максимально прагматична: только демократия способна обеспечить городу безопасность и экономическое процветание, а следовательно, эта власть является справедливой и необходимой²⁴. Однако вся эта интерпретация базируется всего лишь на предположении, что II глава отражает собственные взгляды автора «Афинской политики»²⁵. Но как это можно доказать, как проверить? Как узнать, где говорит именно автор? Мне представляется, что в данной ситуации имеет смысл отвлечься от углубления в смысловые пласты текста и проследить за движением мысли автора, подвергнув простому анализу композиционную структуру сочинения.

Итак, если следовать за логическим развитием мысли в «Афинской политике», то можно заметить одну интересную закономерность. Начиная с первой строки автор использует характерный прием – сначала он высказывает критическое замечание по поводу того или иного аспекта афинской демократии, а затем переходит к подробному рассмотрению обозначенного вопроса, в ходе которого он находит целый ряд аргументов, оправдывающих существующий порядок вещей. Этот метод задает, с некоторыми отступлениями, композицию всего сочинения. Таким образом, структура текста укладывается в формулу: «тезис – антитезис». Посмотрим, как это реализуется на конкретном материале.

I. В самом начале «Афинской политики» звучит тезис о том, что автор (или один из авторов) не одобряет афинскую демократию по той причине, что при ней простому народу живется лучше, чем благородным (τοὺς λογιχοὺς ἄμεινον πρῶττεῖν ἢ τοὺς χρηστοὺς – I. 1). Тут же следует антитезис, в котором автор заявляет, что афиняне удачно сохраняют свой государственный строй, хотя с точки зрения других греков он и выглядит ненормальным. Фактически, это программное заявление всего сочинения, так как здесь задается тема полемического дискурса. Критический тезис сделан с позиций аристократии и

²² Ober. Op. cit. P. 17, 22.

²³ Nakategawa. Op. cit. P. 45.

²⁴ Ibid. P. 39 f., 45 f.

²⁵ Ibid. P. 38 f.

всей традиционной культуры греков, которая утверждала превосходство благородных над простолюдными²⁶. Показательно, что автор (или второй оппонент) не оспаривает этот тезис и заявленные в нем ценности, молчаливо принимая их как нечто само собой разумеющееся, но вместо этого выдвигает именно антитезис, т.е. принципиально другие ценности. Суть этого антитезиса состоит в том, что высшей ценностью провозглашается выгода для народа и что вопрос о пригодности или непригодности данного государственного устройства будет рассматриваться не с позиций старых представлений о справедливости, но с позиций выгоды этого устройства для народа. Таким образом, автор впервые сформулировал принципиально новый подход к обсуждению форм власти. В этом ключе и построены все дальнейшие рассуждения.

Итак, следуя заявленному принципу, сначала доказывается справедливость того, что в афинском государстве демос пользуется преимуществом перед богатыми и благородными, поскольку именно народ «приводит в движение корабли и дает силу государству» (1. 2–3). В рамках этого тезиса автору приходится отвечать на классический упрек в том, что демократия вручает власть «дурным» людям, которых характеризует «величайшая необразованность, недисциплинированность и низость» (*ἐν δὲ τῷ δήμῳ ἀμαθία τε πλειοῖσι καὶ ἀταξία καὶ λωπήρια* – 1. 5). Пространные рассуждения на эту тему сводятся к тому, что «невежество, грубость и благожелательность такого человека скорее приносят пользу (*μᾶλλον λυσιτελεῖ*), чем достоинство, мудрость и недоброжелательность благородного» (1. 7). Здесь принцип пользы очевидным образом торжествует над принципом доблести и благородства. Затем следует процитированный выше пассаж о том, что такие порядки не делают государство лучше, зато полезны народу и способствуют сохранению демократии (1. 8). Таким образом, идея пользы получает дальнейшее развитие и возводит демократию в ранг абсолютной ценности, т.е. ценности самой по себе.

2. Следующий критический тезис ставит афинянам в упрек «распущенность рабов и метеков» (1. 10). На это дается ответ, объясняющий, что афинянам выгодно такое положение вещей, так как оно отвечает интересам морской державы (1. 11–12).

3. Далее афиняне упрекаются в том, что они упразднили общества, занимавшиеся гимнастическими и мусическими выступлениями (1. 13). Ответ следует заданной схеме: афинский народ сам хочет получать выгоду и поступает так, как считает удобным для себя. При этом без тени смущения добавляется: «Да и в судах он (*народ*) не столько заботится о справедливости, сколько о своей собственной выгоде» (*ibid.*). Если эту фразу вырвать из контекста, то в ней можно увидеть критику, иронию или прямую издевку. Но если ее воспринимать в контексте, то никакой иронии не чувствуется, ведь здесь опять проводится мысль о пользе как о главном ценностном критерии.

4. Затем рассматриваются отношения с союзниками. Афинянам ставится в вину то, что они везде изгоняют и убивают благородных, а простой народ поддерживают (1. 14). Естественно, это оправдывается тем, что таким способом афиняне сохраняют демократию и извлекают для себя материальную выгоду (1. 15). Развивая эту тему, на обсуждение выносится упрек в том, что союзники принуждаются для судебных дел ездить в Афины (1. 16). В качестве ответа приводится серия аргументов, сводящаяся к очередному перечислению вы-

²⁶ Подробнее см. *Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла.* СПб., 2002. С. 83 сл., 95 сл.

год, получаемых Афинами от такого положения вещей (1. 17–18), а закрывает эту тему размышление о том, что владение заморскими территориями полезно афинянам еще и тем, что делает их опытными в морском деле (1. 19).

5. Естественным продолжением предыдущего обсуждения становится вопрос о военной силе афинского государства. Здесь упрек не формулируется, но угадывается, и тезис вводится словами о том, что гоплитское войско кажется самой слабой стороной афинян (2. 1). Возможно, что автор был первым, кто выразил этот аспект афинской демократии, и поэтому он, не ссылаясь на других критиков, сам берется за рассмотрение вопроса. Суть тезиса состоит в том, что согласно прежней системе ценностей предпочтение в военной сфере отдавалось гоплитской армии, воплощавшей в себе сам полис и одновременно аристократический кодекс боя²⁷. Следовательно, слабость афинской гоплитской армии с традиционной точки зрения должна восприниматься как недостаток всей политической системы. Антитезис же в качестве альтернативной ценности предлагает эффективность и доказывает, что мощный флот дает Афинам военное превосходство над союзниками и вообще над сухопутными армиями (2. 2–6). В этом месте текст по сути превращается в панегирик афинской морской державе, и далее следует пространное описание материальных выгод, которые получает афинский демос от своего морского могущества (2. 7–13)²⁸.

6. Далее мы видим отступление от нормы – автор не выдвигает очередной критический тезис, а заявляет: афинянам не хватает только одного, а именно, чтобы «они владычествовали над морем, живя на острове» (2. 14). При этом поясняется, что для морской державы островное положение является оптимальным, поскольку оно обеспечивает наибольшую безопасность (2. 14–15). Понятно, что материковое расположение Афин нельзя поставить в вину политическому устройству государства, но автор, очевидно, решил расширить тему и взялся за рассмотрение не только критикуемых недостатков, но всех вообще возможных слабых сторон. Оставаясь верным себе, он и здесь находит аргумент в пользу афинян, так как они в данной ситуации ведут себя благоразумно, отдавая свое имущество на сбережение островам (2. 16).

7. Следующий сюжет примыкает к предыдущему – здесь тоже не формулируется явно тезис, но автор пускается в рассуждения по целому ряду частных вопросов (2. 17–20). Довольно обстоятельно он показывает, что афинский народ, пользуясь коллективной ответственностью, превращающейся в безответственность, может позволить себе не соблюдать договоры и клятвы, а также сваливать вину на предшественников или на оппозицию. Поскольку это с самого начала противопоставляется порядкам при олигархии, то композиционный принцип «тезис – антитезис» в целом соблюден. По ходу изложения становится понятным – народу выгодно такое положение вещей, и поэтому автор повторяет свое исходное положение о том, что народ знает, что ему во благо, а что нет, и исходя из этого отдает предпочтение простолюдинам перед неблагонадежными благородными (2. 19). Завершается весь пассаж заявлением о том, что порядочный аристократ, не будучи сторонником демократии, не мо-

²⁷ Подробнее об этом см. Яйленко В. П. Архаическая Греция // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 171; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 118; Туманс. Ук. соч. С. 179 сл.; Nilsson M. P. Die Hoplitentaktik und das Staatswesen // Klio. 1929. Bd 22. Ht 3. S. 245 ff.

²⁸ В этом месте при восхвалении афинского морского владычества наиболее очевидны параллели с надгробной речью Перикла у Фукидида (*Thuc.* II. 38–39). См. об этом Romilly. *Le Pseudo-Xenophon...* P. 225–241; Hornblower. *Op. cit.* P. 369 ff.

жет оставаться в Афинах, а тот, кто остается, преследует преступные цели, так как он видит, что «мошеннику скорее можно остаться незамеченным в демократическом государстве, чем в олигархическом» (2. 20).

В этом месте наиболее отчетливо проявляется проблема личной позиции автора. Как видно, он самоопределяется тогда, когда заводит речь об афинском народе. Обычно он говорит о нем в третьем лице – «он», «они», «афиняне»²⁹, и, к тому же, характеризует народ как невежественную и грубую массу (1. 5, 7). Однако значит ли это, что автор был затаившимся врагом демократии или эмигрантом³⁰? Скорее всего, нет, ведь он в своем произведении только то и делает, что защищает демос и его власть. В конце данного пассажа он открыто заявляет: «Я со своей стороны допускаю демократическую точку зрения для самого народа, потому что каждому простительно заботиться о самом себе» (2. 20). Здесь он явно дистанцируется от народа и в то же время становится на его позицию, которая основана на принципах целесообразности и выгоды. Этим объясняется противоречивость всего текста и особенно последних абзацев второй главы (2. 17–19). Описанные в этом месте явления носят вызывающе аморальный характер и автор, явно не скрывая этого и, очевидно, разделяя негативную оценку таких явлений с точки зрения традиционной этики, тем не менее с позиций новой этики признает за народом право заботиться о своей выгоде так, как ему самому представляется необходимым. В этом ключе как вывод из вышесказанного можно понимать и заявление автора в начале третьей главы: «Итак, что касается государственного устройства афинян, то характер его я, конечно, не одобряю; но раз уж они решили иметь демократическое правление, мне кажется, они удачно сохраняют демократию, пользуясь теми приемами, какие я указал». Это явно говорит аристократ, и он явно противопоставляет две системы ценностей – старую аристократическую, не нуждающуюся в обоснованиях, и новую, демократическую, которую он взялся объяснить и оправдать.

8. После таких общих заявлений логично было бы поставить точку, но автор продолжает обсуждение и возвращается к прежней структуре своего сочинения. В качестве очередного тезиса звучит критика функционирования Совета пятисот и афинских судов. Упреки заключаются в медлительности работы Совета (3. 1–2), его коррумпированности (3. 3), а также в чрезмерно большом числе судей (3. 7). Ответы даются соответственно обычной схеме, т.е. исходя из принципа практической целесообразности. Объясняется, что Совет просто физически не может работать быстрее из-за своей загруженности; коррупция же весьма цинично оправдывается как удобное средство решения проблем, с замечанием, что афиняне могли бы добиться еще большего, «если бы еще больше было людей, готовых давать деньги» (3. 3); напротив, большое число судей оправдывается именно необходимостью предотвращения коррупции (3. 7). Получается, что подкуп членов Совета автор оценивает позитивно, как эффективный способ решения дел, а подкуп судей – негативно, как нарушение справедливости. Похоже, что для него здесь нет противоречия, так как он различает практическую целесообразность при подкупе должностного лица и несправедливость по отношению к частному лицу при подкупе судей. Для него эти фак-

²⁹ Показательно, что обычно, говоря об афинянах в третьем лице, автор тем не менее однажды допустил и первое лицо мн. ч. – «мы» (1. 12). См. *Ober. Op. cit.* P. 14.

³⁰ *Ibid.* P. 22.

ты располагаются в разных плоскостях и поэтому по отношению к ним он применяет разные критерии, а по сути и разные системы ценностей.

Примечательно, что в конце данного сюжета автор обобщает свои рассуждения, сведя их к общему знаменателю: «Так вот ввиду этого я не считаю возможным, чтобы в Афинах дела шли иначе, чем теперь: разве только в чем-нибудь незначительном: можно одно выкинуть, а другое прибавить...» (3. 8). Этот вывод возвращает его к прежнему различению пользы для государства и пользы для демократии – он констатирует, что для улучшения государственного строя можно многое придумать, но как совместить демократию с лучшим правлением, он не знает (3. 9). В этом заключается его знаменитая апория – есть осознание того, что Афинское государство могло бы быть обустроено лучше, но нет представления о том, что для этого надо делать³¹. В то же самое время, логика всего авторского рассуждения неотвратимо подводит к мысли, что афинская демократия и есть наилучшая форма власти, так как с точки зрения целесообразности она оказывается наиболее эффективной для решения тех задач, которые перед ней стоят.

9. И опять-таки, после столь серьезных выводов было бы удобно закончить сочинение на этом месте, но автор снова переходит к рассмотрению частных. Здесь он от себя заявляет, что ему не нравится то, что в городах, где происходит смута, афиняне поддерживают «худших» (3. 10). Но, как и положено, он тут же оправдывает афинян, объясняя (как в принципе, так и на примерах), что они поступают благоразумно, преследуя свои собственные интересы (3. 11).

10. Наконец, в последнем сюжете обсуждается вопрос о гражданах, несправедливо лишенных гражданской чести: сначала от лица некоего критика в ироничной форме вводится тезис о том, что, дескать, в Афинах таких граждан и нет вовсе, на что автор уже серьезно отвечает, что такие граждане есть, но их совсем немного (3. 13). В качестве антитезиса он приводит два аргумента: во-первых, он утверждает, что в Афинах гражданских прав лишаются только за недобросовестное исполнение служебных обязанностей, а также за нечестные речи и действия; и во-вторых, он указывает, что поскольку несправедливо лишенных гражданской чести мало, то с их стороны афинской демократии ничто не угрожает (*ibid.*). Здесь довольно неожиданно, на первый взгляд, заканчивается «Афинская полития». Однако такая концовка не случайна – все общие выводы автор уже сделал выше, а закончил он тем, что в очередной раз показал благоразумность афинской политической системы и на конкретном примере проиллюстрировал свою мысль о том, что в Афинах нет никаких предпосылок для смены этой системы.

Теперь, возвращаясь к вопросу о целях написания «Афинской политии», представляется вполне очевидным, что такая структура сочинения, в которой каждому негативному тезису противопоставляется позитивный антитезис, совершенно непригодна для критики и может быть использована только для апологии. Таким образом, структурный анализ текста убеждает в том, что автор ставит своей целью ответить на критику афинской демократии, причем делает это последовательно и рассматривает не только тезисы оппозиции, но и вообще все слабые стороны Афинского государства. Показательно, что критические тезисы он вводит чаще всего нейтральными фразами, просто описывающими подлежащее обсуждению положение вещей (1. 10, 13, 14; 2. 1, 14, 17). В других случаях автор ссылается на неких критиков демократии и тогда тезис

³¹ Обсуждение этой атории см. *Ober. Op. cit.* P. 24 f.

вводится соответствующей фразой: «некоторые удивляются...» (1. 4), «некоторые упрекают» (3. 1) или «по мнению некоторых» (1. 16). Тем самым он явно дистанцируется от их мнения, а затем дает свой ответ на их критику. Наконец, всего только три раза он высказывает собственное критическое мнение: два раза он повторяет одну и ту же мысль о том, что он не одобряет государственного устройства афинян, но при этом тут же оправдывает его интересами демоса и подчеркивает, что афиняне удачно сохраняют свой строй (1. 1; 3. 1). В третий раз он осуждает афинян за то, что они принимают сторону «худших» в других государствах (3. 10), и это порицание носит ярко выраженный аристократический характер. Но он сам же и отводит свой упрек, показав, что народ в данном случае поступает вполне благоразумно, отстаивая свои собственные интересы. Эти три фразы могли бы служить единственным основанием для того, чтобы приписать Псевдо-Ксенофону антидемократическую позицию, если бы он сам не ответил на свои тезисы антитезисами, в которых оправдал политику демократии. Более того, он сам признал за демосом право отстаивать свои интересы (2. 20) и констатировал, что демос это делает чрезвычайно успешно и благоразумно. В результате рассмотренная под углом прагматизма афинская демократия в его изложении оказывается если не совершенной политической формой, то вполне самодостаточной, внутренне завершенной и целесообразной, что в данной системе ценностей соответствует высшим оценочным критериям.

Итак, на основании проделанного анализа уже можно сделать некоторые выводы. Во-первых, сам текст обладает известной цельностью и, несмотря на некоторые литературные погрешности и отступления от композиционных принципов, он в целом хорошо структурирован по формуле: «тезис – антитезис». Во-вторых, складывается впечатление, что у текста все-таки один автор. Об этом говорят последовательность мысли и стройность изложения, так что, несмотря на композиционные нарушения, автор на удивление целенаправленно проводит сквозь весь текст свои основные мысли, совершая плавные переходы от одной темы к другой. В-третьих, автор явно принадлежит к аристократическому сословию, но при этом демонстрирует новый тип мышления. Можно в какой-то мере согласиться с утверждением, что он совмещает в себе две системы ценностей³². С одной стороны, он разделяет старый морально-этический кодекс аристократии, а с другой – в сфере практической деятельности он отказался от этого кодекса и избрал своей идеологией прагматизм и целесообразность. В-четвертых, исходя из представлений о выгоде и эффективности как о высших критериях в суждениях о государстве, он стал на сторону демоса и написал апологию афинской демократии. В данной системе ценностей демократия, естественно, предстает как в высшей степени целесообразно устроенная форма власти, обеспечивающая максимально возможное соблюдение собственных интересов. Таким образом, в новой картине мира Псевдо-Ксенофонта нравственный аспект оказался вытеснен прагматизмом, благодаря чему демократия приобрела ценность сама по себе, без привязки к этическим категориям; можно сказать, она стала политическим фетишем, высшей ценностью вообще. Поэтому все остальное оказалось подчинено ее интересам и стало возможным оправдать все, что делается на благо демократии. Нельзя не признать, что эта идеология и сегодня выглядит современно, а значит, она вполне реальна...

³² Nakategawa. Op. cit. P. 39.

При этом нас не должен смущать радикализм той идеологии прагматизма, которую представляет Псевдо-Ксенофонт. Довольно много примеров такой идеологии мы можем найти у Фукидида, причем именно в приводимых им речах афинян. В этих речах афиняне, как правило, обосновывают свои поступки правом сильного и собственной выгодой, ради которой они, не стесняясь, открыто отказываются от постулатов права и справедливости (Thuc. I. 76. 2–3; III. 44. 1, 4; V. 89. 2 sqq.; 90. 1; 91. 2)³³. Есть основания полагать, что такая очищенная от морали и этики идеология прагматизма действительно царилла в демократических Афинах и что, следовательно, сочинение Ксенофонта является лишь ее отражением. Конечно, мы не можем быть до конца уверены, что автор «Афинской политики» действительно думал так, как писал, но этого мы уже никогда не узнаем. Зато для нас важно знать, какую идеологию содержит в себе его сочинение.

3

Проверить выводы можно с привлечением культурно-исторического контекста. Надо сказать, что и на этой ниве уже изрядно поработали исследователи³⁴. В их трудах изучены различные аспекты той исторической среды, которая окружала автора «Афинской политики» во время написания его произведения. Так, например, Дж. Обер обстоятельно исследовал литературный контекст³⁵, а К. Раафлауб – политический и исторический³⁶. Интересно сопоставить их некоторые наблюдения. Так, Обер отмечает, что сочинение Псевдо-Ксенофонта, хотя и открыло традицию литературной критики афинской демократии, прямых продолжений в литературе тем не менее не имело³⁷. В свою очередь, Раафлауб задается вопросом: почему в Афинах не происходило конструктивных дебатов по поводу демократии, т.е. почему не было открытого обсуждения ее проблемных сторон и предложений по ее улучшению? И сам же он отвечает на свой вопрос: ничего этого не было потому, что у демократии и ее критиков не было точек соприкосновения – оппозиция не критиковала отдельные стороны демократии, а отрицала ее в принципе как порочную систему³⁸. Вот это наблюдение, на мой взгляд, хорошо объясняет уникальность Псевдо-Ксенофонта и отсутствие у него продолжателей. Чтобы в полной мере оценить уникальность нашего текста, необходимо произвести хотя бы беглый обзор литературной критики демократии того времени. Для этого достаточно будет лишь нескольких примеров из произведений тех авторов, у которых эта критика выражена наиболее отчетливо³⁹.

³³ Пожалуй, наиболее показательными в этом отношении являются следующие слова Диодота: «Мы, однако... должны рассуждать здесь не о справедливости, а о том, как нам полезнее в наших же интересах поступить с ними» (Thuc. III. 44. 4). Циничный отказ от справедливости ради выгоды – прекрасный образец нового, прагматического типа мышления в демократических Афинах. Псевдо-Ксенофонт еще далеко не так циничен...

³⁴ См., например: Raaflaub K. Die Entdeckung der Freiheit. München, 1985; *idem*. Die Anfänge des Politischen Denkens bei den Griechen // HZ. 1989. 248; *idem*. Politisches Denken...; Roberts. Athens...; Ober. Op. cit.

³⁵ Ober. Op. cit.

³⁶ Raaflaub. Politisches Denken...

³⁷ Ober. Op. cit. P. 15, 27.

³⁸ Raaflaub. Politisches Denken... S. 21.

³⁹ В данном контексте под критикой демократии понимается критика ее как системы, а не критика отдельных ее дефектов. Исходя из этого и сделана следующая выборка авторов.

Одним из первых и, без сомнения, самых великих критиков демократии был Сократ. Судя по «Воспоминаниям» Ксенофонта, он критиковал афинский государственный строй за моральное разложение (Ш. 5. 16 sqq.), алчность и коррупцию должностных лиц и политиков (Ш. 6. 24; Ш. 5. 16), но, главное, он отрицал сам принцип демократического равенства: «Глупо должностных лиц в государстве выбирать посредством бобов, тогда как никто не хочет иметь избранного бобами рулевого, плотника, флейтиста или исполняющего другую подобную работу, ошибки в которой приносят гораздо меньше вреда, чем ошибки в государственной деятельности» (I. 2. 9). По его мнению, управлять государством должны не те, кто избран жребием, а те, «которые умеют управлять» (Ш. 9. 10). Наконец, в разговоре с Периклом-младшим он на вопрос о том, что нужно делать, чтобы исправить положение, ответил: «...разузнуть, какие порядки были у предков, и соблюдать их столь же строго...» (Ш. 5. 14). Понятно, что это означало бы ликвидацию демократии и возврат к аристократической республике.

Подобную тенденцию легко обнаружить и в комедиях Аристофана. В них часто встречаются высказывания, порицающие моральное разложение (*Vesp.* 1091 sqq.), алчность и коррупцию (*Plut.* 567 sqq.), и, конечно же, очень ясно звучит осуждение того, что к власти в Афинах приходят совершенно негодные люди (*Equit.* 238 sqq., 764 sqq.). Идеал Аристофана – в прошлом, в эпохе аристократической республики, когда в Афинах жило поколение героев Марафонской битвы. Именно поэтому в комедии «Всадники» благополучная концовка наступает тогда, когда Демос сварен в котле и вернул свою молодость времен Марафонского сражения (*Equit.* 1352–1372).

В точно таком же ракурсе смотрит на вещи Исократ: он осуждает нравственную деградацию (*De race* 41–48), власть дурных людей (*ibid.* 13, 52 sq., 122), причиной всех бед он считает морское владычество Афин (*ibid.* 64, 74) и, наконец, призывает вернуться к тому политическому устройству, которое было во времена Солона и Клисфена, т.е. к аристократической республике (*Aeop.* 16 sq.).

Как известно, наиболее последовательным критиком афинской демократии был Платон. Целью государства он считал воспитание в гражданах добродетели (*Leg.* 630c–632a), и, оценивая с этих позиций демократию, он характеризовал ее резко отрицательно, как политический строй, разрушающий добродетель и поощряющий пороки (*Gorg.* 519a; *Resp.* 557b–c, 559d; *Leg.* 831d, 916e, 917a). Он полагал, что хороший государственный строй был в Афинах в эпоху Персидских войн, т.е. до демократии (*Leg.* 698b). Вслед за своим учителем он порицал демократию за то, что она приводит к власти дурных людей (*Resp.* 558c; *Prot.* 319d; *Polit.* 291e, 303c, 363d), и считал, что править должны лучшие; на этом основании он проектировал свое идеальное государство, в котором у власти стояли бы мудрые философы.

В качестве иллюстрации этих примеров вполне достаточно, так как они наглядно подтверждают справедливость тезиса Раафлауба о том, что настоящие критики демократии, т.е. так называемые «олигархи», говорили не об отдельных недостатках системы, но отрицали ее в целом, как принцип. Даже по этой выборочной и крайне беглой сводке мнений легко можно вычленить основные претензии к демократии. По сути дела, вся критика сводится к двум пунктам: во-первых, не приемлется то, что к власти в Афинах пришли «дурные» люди, а «добрые» отстранены от дел (кстати, знаменательно, что Псевдо-Ксенофонт начинает свое сочинение именно с этого, т.е. главного обвине-

ния)⁴⁰, и, во-вторых, осуждается моральное разложение, причиной которого признается порочный государственный строй. Как видим, отрицание демократии строится на понятиях нравственного содержания. Понятно, что оба обвинения носят принципиальный характер, затрагивающий самые основы демократического государства, и поэтому тут ничего нельзя было изменить, не поменяв само государственное устройство. Поэтому оппозиция отрицала саму систему и диалог с ней был невозможен.

Если же в этом контексте посмотреть на сочинение Псевдо-Ксенофонта, то становятся очевидными две вещи. Во-первых, его автора объединяет с критиками демократии то, что он высказывает неодобрение афинскому государственному строю за то, что при нем простому народу живется лучше, чем благородным (1. 1). Во-вторых, от настоящих критиков он резко отличается тем, что признает за афинским народом право самому устраивать свои дела, как то представляется ему выгодным (1. 8; 2. 20), и оценивает политику демоса исходя из ее эффективности, а не из моральных категорий. Тем самым, он по сути дела отказывается от аристократических критериев и оправдывает демократию. Если он и критикует, то не саму политическую систему, а отдельные ее недостатки, причем всегда находя им оправдание⁴¹. Самое же главное, на мой взгляд, заключается именно в том, что Псевдо-Ксенофонт отказался от нравственных критериев в обсуждении государственного устройства афинян и тем самым лишил оснований всю систему критики. Он стал на позиции крайнего прагматизма, а с этой точки зрения оказалось возможным оправдать и власть «дурных» и коррупцию. Такой подход допускает обсуждение только отдельных частных, которые могли бы быть изменены к лучшему.

В целом создается впечатление, что автор «Афинской политики» пытается занять среднюю позицию между афинским демосом и его аристократическими критиками – он дистанцируется от тех и других и, подобно Солону, признает долю правды за каждой стороной. Но, как всегда в таких случаях, на деле одна из сторон оказывается обладательницей большей доли правды. В данном случае правды больше у афинского демоса, поскольку автор становится на его точку зрения и разделяет его ценности. Следовательно, можно утверждать, что этот текст действительно представляет собой апологию демократии, и это объясняет, почему в литературе того времени мы больше не встречаем аналогов такой «критики».

Основной парадокс «Афинской политики» состоит в том, что ее автор умудрился объединить в себе или в своем сочинении две диаметрально противоположные позиции – позиции критика и апологета афинской демократии. Это и есть главная загадка данного произведения. Тем не менее эта загадка не столь темна, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, проделанный анализ показывает, что не только структура текста максимально отвечает зада-

⁴⁰ Тот факт, что у демократии поначалу были лидеры аристократического происхождения, нисколько не меняет сути дела, так как в глазах оппозиции люди делились на «дурных» и «добрых» прежде всего по их моральным качествам. Поэтому естественно, что аристократы, ставшие на сторону демократии, воспринимались ими скорее как отщепенцы, чем как «добрые». Но даже исключения вроде Перикла не могли повлиять на отрицательное отношение критиков к демократии. Так, например, признание за Периклом политического таланта (*Plato. Alc. I. 118 c*) ничуть не мешало Платону негативно оценивать результаты его политики (*Gorg. 519 a*) и отрицать демократию как таковую.

⁴¹ В этом смысле его в какой-то степени можно сравнить с Аристотелем, который принимал демократию, в принципе, как власть большинства (*Arist. Pol. 1281 a 40*), но критиковал ее отдельные недостатки (*ibid. 1310 a 25 sqq.; 1304 b 20 sq.; 1310 a 3*).

чам апологии демократии, но и большая его часть посвящена оправданию критикуемых аспектов демократического правления. Следовательно, при кажущейся идеологической двойственности, в «Афинской политике» все-таки достаточно явственно прослеживается генеральная идейная линия автора. Во-вторых, данное произведение прекрасно вписывается в контекст софистической риторики и симпозиумной литературы своего времени, так как в рамках обоих этих жанров автор мог попеременно занимать разные позиции⁴². В-третьих, не исключено, что в сознании одного человека того времени реально могли столкнуться две идеологии – старая аристократическая система ценностей, основанная на этических постулатах, и новая демократическая идеология, основанная на принципах прагматизма. В данной ситуации государственное мышление и патриотизм естественно вели к победе новой идеологии, о чем, на мой взгляд, и свидетельствует рассматриваемая нами «Афинская политика». Из опыта истории хорошо известно, что интересы государства, если их поставить на первое место, достаточно легко побеждают нравственность и тогда ими можно оправдать все, что угодно. Поэтому не исключено, что в лице Псевдо-Ксенофонта мы имеем первого античного Макиавелли...

Теперь, отвечая на поставленный в заголовке вопрос, мне приходится заключить, что я не вижу оснований считать Псевдо-Ксенофонта ни «молодым», ни «старым», ни вообще олигархом, а скорее демократом аристократического или, если угодно, олигархического происхождения. Поскольку речь идет о системе взглядов, можно сказать, что демократами или олигархами не рождаются, а становятся...

PSEUDO-XENOPHON, AN «OLD OLIGARCH» OR A DEMOCRAT?

H. Tumans

In the author's opinion, the main paradox of the «Athenian Politeia» consists in the fact that its author endeavoured to combine two opposite positions: those of a critic and apologist of the Athenian democracy.

Firstly, not only the structure of the text is aimed to make an apology of democracy, but the greatest part of the argument is devoted to justifying the most criticised aspects of democratic rule. Consequently, in spite of the apparent ideological ambiguity, the author's main ideological trend is quite evident in the «Athenian Politeia». Secondly, this work matches well the context of contemporary sophistic rhetorics and sympotic literature, for in these genres the author was expected to take opposite positions alternately. Thirdly, it is quite possible that at that period two ideologies could have coexisted in the same mind: old aristocratic values, based upon ethical postulates, and a new democratic ideology, based upon pragmatic principles. In such a situation political thinking and patriotism could naturally lead to the victory of the new ideology, as it is attested in the «Athenian Politeia».

The author concludes that Pseudo-Xenophon should be regarded as neither «young», nor «old» oligarch, but rather a democrat of aristocratic or oligarchic origin.

⁴² В какой-то степени диалоги Платона тоже свидетельствуют об этом, ведь их автор с гениальным изяществом представлял позиции как Сократа, так и его оппонентов, причем иногда даже совмещая их в одном лице.